Петр Великий как законодатель

Peter the Great as Lawmaker

Марианна Георгиевна Муравьева

Университет Хельсинки

Marianna Georgievna Murav'eva

University of Helsinki

marianna.muravyeva@helsinki.fi

Рецензия на книгу: Н. А. Воскресенский, *Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века* / Под ред. Д. О. Серова. Москва, Новое литературное обозрение, 2017. 640 с.

Review of N. A. Voskresenskii, *Peter the Great as Lawmaker. The Investigation of the Lawmaking Process in Russia in the Epoch of the Reforms of the First Quarter of the Eighteenth Century*. Ed. by D. O. Serov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 640p.

Николай Алексеевич Воскресенский (1889-1948) известен российским специалистам по истории права первой четверти XVIII века благодаря своей работе “Законодательные акты Петра I,” опубликованной в 1945 году, и ставшей важным источником для изучения российского законодательства и законотворчества первой четверти XVIII века.¹ Опубликованная в 2017 НЛО книга “Петр Великий как законодатель” представляет собой кандидатскую диссертацию, написанную в тяжелейшие годы блокады Ленинграда и переработанную для публикации в послевоенное время. Д. О. Серов в предисловии к книге достаточно подробно описывает обстоятельства появления работы и ее судьбу. Однако, рецензировать работу, появившуюся на свет более 70 лет назад, довольно непросто, поэтому в данном отзыве я сосредоточусь на двух моментах: на самом исследовании и его значении для историографии того времени и современных историко-правовых исследований, а также на публикации работы и оценки необходимости возвращения историко-правового наследия в научный оборот.

Данную книгу невозможно рассматривать в отрыве от опубликованных “Законодательных актов”: вместе они представляют публикацию документов и основанный на них анализ законотворческой деятельности Петра. Исследование разделено на Введение и 12 глав (по изначальному плану 13, но последнюю главу Воскресенский закончить не успел). В работе отсутствует Заключение, но

¹ Н. А. Воскресенский, *Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностр. источники* (Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1945). (N. A. Voskresenskii, *Zakonodatel'nye akty Petra I: Redaktsii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniia, chelobit'ia i inosntr. Istochniki* (Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1945).

очевидно, что монография оказалась незаконченной в связи с ухудшением здоровья и смертью автора. План работы отражает этапы законотворческой деятельности Петра и распадается на две части: 1) возбуждение законодательной инициативы, подготовка законодательного акта, обсуждение и ревизия законопроекта, публикация и введение в оборот; и 2) характеристика взглядов Петра на предметы, регулируемые созданным им законодательством. Структура работы, однако, оставляет желать лучшего. Тем не менее, поскольку книга не была закончена самим Воскресенским, то трудно судить о том, как выглядел бы окончательный вариант исследования.

Своей главной задачей, как видно из Предисловия и самой работы, Воскресенский считал детальное архивное исследование законотворческого наследия Петра для восстановления исторической истины и справедливости по отношению к петровским реформам. Воскресенский довольно активно критикует предыдущую как дореволюционную, так и советскую историографию петровским реформ, обвиняя таких историков как В. О. Ключевский и П. Н. Милюков в ошибочной оценке Петра и его деятельности (с. 62-63). С точки зрения Воскресенского, данные "труднопоправимые" ошибки (с. 62), ведущие к принижению роли Петра в преобразованиях первой четверти XVIII века, вызваны, помимо других проблем (таких как, например, невыработанность методологических приемов исследования реформы и пр.) плохим знакомством с архивным материалом и отсутствием в научном обороте полного законотворческого наследия Петра (с. 63-65).

Само Предисловие задает общий тон книги: в процессе исследования автор стремится продемонстрировать исключительную, основополагающую роль царя в законотворческом процессе рассматриваемого периода. Воскресенский открыто заявляет о том, что данная книга предлагается вниманию "творцов истории," то есть государственных и общественных деятелей (с. 61). В конечном итоге, работа является классическим примером панегирика Петру, в которой автор, используя обширный архивный материал, под прикрытием исправления ошибок, пытается обелить Петра и объяснить его действия сугубо интересами народа и государства (как, например, в Главе XI при оценке уголовного права или в Главе VIII при оценке законодательства и политики в отношении крестьян). В связи с подобным некритическим отношением к самой личности Петра и к реформе, задуманной, созданной и проведенной им и "под его чутким руководством" его сподвижниками, ценный малоизвестный архивный материал в работе служит скорее подтверждением взглядов самого Воскресенского, а не является базой для сбалансированного анализа законодательного процесса, его генезиса, развития и значения для истории России.

Главы I-VII посвящены процессу выработки законодательства. В них поэтапно показывается путь нормативного акта от возбуждения законодательной инициативы (Глава I), через составление первоначального проекта (Главы III-IV), обсуждения и внесения изменений в проект (Глава V), до утверждения закона и введения его в оборот (Главы VI-VII). Воскресенский довольно подробно демонстрирует законотворческий процесс и делает несколько хотя и простых, но важных выводов. Он обращает внимание на длительный и важный процесс создания первичного проекта, а также его последующих изменений, отмечая, что по содержанию эти первые проекты всегда были принципиальны (с. 165).

Воскресенский часто предлагает разного рода классификации законопроектов: то по приему написания (с. 164), то по авторам (Петр или сподвижники, Глава IV), то по содержанию (Главы IV и V), то по сфере регулирования. В целом данные классификации показывают мыслительный процесс самого автора в попытке продемонстрировать разнообразие приемов и сложность законотворческого процесса.

Воскресенский опять же уделяет основное внимание личному участию Петра в создании законов. Даже в тех случаях, когда законопроекты исходят из учреждений (Сенат) или от конкретных лиц (Фик или Зотов), Воскресенский подчеркивает, что они были созданы по его поручению. Он отмечает, что “основные руководящие идеи” закона всегда были “просты, жизненны, прогрессивны и потому плодотворны” и служили общему благу (Глава V, особенно выводы, с. 256-257). Такой подход Воскресенского не удивителен, так как в работе отсутствует какое-либо сравнение с предыдущими техниками законотворчества, то есть исключительность Петра является исключительной, потому что нет никаких других примеров. Для адекватного доказательства этого аргумента необходимо было бы сравнить этапы законотворческой деятельности в предыдущем времени, хотя бы с царствованием Алексея Михайловича и работой не только над Соборным Уложением, но и над последующим уточняющим законодательством. Воскресенский просто отмахивается от “старого московского обычая” (с. 255), утверждая, что в отличие от него, обсуждение законопроектов в Сенате было делом серьезным, вытекающим из стремления Петра проверить целесообразность предпринимаемого шага. Характеристику Петра как монарха и его уникальность как законодателя также можно было бы рассмотреть горизонтально в сравнении с его современниками, например, с Людовиком XIV, что могло бы обеспечить необходимый материал для оценки того, насколько уникальной была озабоченность Петра реформами и законотворческой деятельностью в эпоху начала просвещенного абсолютизма.

Главы VIII-IX посвящены взглядам Петра на вопросы, регулируемые его законодательством. Следуя за пропагандой того времени, представляющей Петра как мудрого, прогрессивного монарха, заботящегося о всеобщем благе и о благе народа, Воскресенский продолжает здесь апологику личности императора. Так, по мнению Воскресенского, Петр рассматривал русский народ как находящийся в детском состоянии, поэтому нуждающийся в деятельном, всестороннем “отеческом” руководстве (отсюда детализированная регламентация общественной жизни). Здесь Воскресенский полемизирует с Ключевским и другими историками, считавшими, что Петр мало заботился о состоянии народа. Наоборот, говорит Воскресенский, работа с законодательными источниками (такими как Табель о рангах или Генеральный регламент) показывает заботливое и внимательное отношение к подданным, стремление повысить культуру народа, изжить азиатские служебные нравы и порядки и насадить европейское образование, “служебную честность” и “внешнюю корректность” (с. 349). Дискуссию же о колоссальных потерях на петровских стройках и войнах, об ужесточении крепостного права, Воскресенский считает “недоразумением” (с. 386) и аргументирует свое мнение довольно своеобразно через описание реформы землевладения. Он утверждает, что Петр создал служилый класс, обменивающий службу на землю, которая дворянству не принадлежала на правах собственности,

так как высшее право собственности принадлежало государству в лице носителя верховной власти. Петр делегировал власть и, предоставляя дворянину право владения землей, был далек от мысли, что это право было безусловным (с. 387). Более того, утверждает Воскресенский, обязав всех подписываться полным именем и фамилией, Петр уничтожил рабское самосознание и попытался превратить всех в граждан (с. 384). При этом он не затрагивает крестьянские восстания того же Булавина или Башкирское восстание, а было бы интересно узнать, как можно было бы интерпретировать архивный материал в данном ключе. Ужесточение крепостного права или, используя слова Воскресенского, "меры к прекращению самовольных переходов крестьян от одного помещика к другому или уход на новые места поселения" (стандартная формула петровских указов, с. 393), вызвано государственными соображениями (состоянием народного хозяйства и пр.), а не "собственническими инстинктами" Петра.

Подобную же систему аргументации Воскресенский использует в Главе IX при опровержении "жестокости" Петра и проводимой им уголовной политики. Здесь главным противником является А. Н. Филиппов и его работа о наказании по петровскому законодательству. Воскресенский настаивает на том, что следует употреблять термин "суровость," а не "жестокость" закона. Также не следует приписывать жестокость личным качествам Петра. Все уголовные законы, утверждает он, и их особая суровость, вызваны низким уровнем нравов и морального состояния народа, распространённостью порока и преступления (с. 420). То есть смягчение санкций могло бы произойти только после смягчения нравов: утверждение, которое довольно успешно опровергли сторонники реформы пенитенциарной системы веком ранее, включая Филиппова и Фойницкого. Воскресенский также показывает, что несмотря на отдельные случаи суровых наказаний, петровское уголовное законодательство содержало точные санкции за каждое преступление, что, с его точки зрения, должно было внести регулярность в пенитенциарную политику. Однако Воинский артикул Петра пестрит фразами "по судейскому рассуждению наказаны" или "по вине смотря" (см., например, ст. 43, 87, 169, 173, 177, 197 и пр.), что явно не является точной санкцией. Равенство перед карающим законом также видится Воскресенскому достижением петровской эпохи (с. 420-421), что также проблематично не только в связи с Табелью о рангах, но и четкой зависимостью меры пресечения от социального положения. То, что Петр казнил князя М. П. Гагарина за казнокрадство и вымогательства и заставил А. П. Меншикова вернуть долги в казну, примеры, на которых Воскресенский основывает свой аргумент, не свидетельствует о массовом равенстве перед законом, а скорее об исключительности совершенных данными государственными деятелями преступлений.

Самой ценной, пожалуй, частью работы представляется фокус на влиянии иностранного законодательства и его роли. Главы II, X и XI посвящены этому вопросу. Здесь Воскресенский демонстрирует активное собиранье и переработку западно-европейского законодательства. Основной посыл данных глав заключается в доказательстве творческой переработки иностранного законодательства и его использовании в российском нормотворчестве, основываясь на нуждах и требованиях того времени. Работу, которую провел Воскресенский в отношении выявления оригиналов документов, правки их

Петром, особенностей публикации вариантов и текстов, использованных другими исследователями, трудно переоценить. Так, в частности, Воскресенский критикует издание Воинского артикула в ПСЗ, доказывая, что тот перепечатан не по рукописному оригиналу, а по изданию 1748 года (с. 482-483). При анализе источников Генерального регламента, Воскресенский доказывает, что Фик не пользовался оригинальным текстом шведского закона о канцелярии 1661 года, а пересказом оно, что влияет на оценку оригинальности регламента (с. 496-509).

Важным наблюдением здесь также видится доказательство того, что шведское влияние не являлось основным и доминантным, в частности, показано влияние французского законодательства и отдельных законодательных актов из других стран (Дании, Голландии, Германии, Англии). Воскресенский решает довольно важные задачи в данных главах: о характере и степени заимствований, о самостоятельности конечного продукта, о самой цели сбора и систематизации иностранного законодательства. Даже его откровенное восхищение Петром не позволяет ему сделать вывод об оригинальности данного процесса и самобытности российского законодательства того периода, но в своей общей струе, он настаивает на аккуратном и вдумчивом процессе переработки иностранных законодательных источников Петром и его помощниками. Опять же, недостаток адекватной методологии и теоретического осмысления самого процесса не позволяет ему сделать вывод о моделях, типах и видах заимствований, а также об особенностях этого процесса в начале XVIII века, но Петр предстает здесь как наиболее активный собиратель, заимствователь и адаптатор иностранного законодательства.

В данной работе Воскресенский оказывается в классической ловушке археографического и архивного исследования: работа с неизвестными и малоизвестными архивными материалами порождает недооценку историографии и научно-исследовательской работы, проделанной до него, что не удивительно, так как этим часто страдают исследования, основанные на оригинальных источниках. Получается, что наибольшей ценностью работы является изложенный в ней материал. Ощущается недостаток более глубоких выводов и, особенно, теоретического осмысления реформы на основе данных источников. В этом отношении, работа Воскресенского отражает цели и задачи науки того периода: введение в оборот неизвестных источников и работа с ними. Другим вопросом является то, насколько такое исследование отвечало политическим задачам советской послевоенной исторической науки. Многие выводы, сделанные Воскресенским, его апологетическое отношение к Петру, попытки продемонстрировать оригинальность и самостоятельность законотворческой политики, особенно в области промышленности, прямо соотносится с повышенной оценкой роли личности в истории, превалировавшей в эти годы. Часть выводов Воскресенского, особенно касающихся крепостного права, являются развитием идей Б.И. Сыромятникова, его коллеги и единомышленника.² Одновременно с этим, фокус именно на законодательном процессе выпадал из канона советской историографии 1930-х и 1940-х гг., в

² Б. И. Сыромятников, *“Регулярное” государство Петра первого и его идеология* (Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1943). (B. I. Syromiatnikov, *“Reguliarnoe” gosudarstvo Petra pervogo i ego ideologiya* (Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1943).

которой, по оценке другого современника – Б. Кафенгауза – изучение государства оставалось вопросом едва затронутым.³

Тем не менее, какими бы ни были недостатки и недочеты работы, написанной в 1940-е гг., ее появление на свет является важным фактом российской историко-правовой традиции. Будь работа опубликована сразу после ее окончания, она несомненно являлась бы не только серьезным вкладом в развитие советской науки, но и повысила бы общий уровень историко-правовых исследований петровской эпохи этого периода и оказала бы значительное влияние на последующее поколение ученых, избавив их от повторного решения поставленных Воскресенским задач. С этой точки зрения, сама публикация данного исследования сегодня является исключительно важной для возвращения историко-правового наследия и для оценки развития историографии. Более того, предоставленный Воскресенским материал, систематизированный и классифицированный, настаивающий на уточнении, дополнении и/или опровержении "ошибок" предыдущих ученых, теперь может являться частью современной дискуссии о роли Петра в законотворческом процессе начала XVIII века. Само издание выполнено на высоком научном уровне. Вводная статья Д. О. Серова представляет собой мини-исследование о творчестве Воскресенского и обстановке того времени. Примечания редакторов помогают читателю работать с текстом. Специалисты не только по петровской эпохе, но и по истории права и законодательства в целом, безусловно, благодарны за возвращение работ Н. А. Воскресенского в отечественное историко-правовое научное наследие.

³ Б. Кафенгауз, "Вопросы историографии эпохи Петра Великого," *Исторический журнал* 9 (1944), 42. (B. Kafengauz, "Voprosy istoriografii epokhi Petra Velikogo," *Istoricheskii zhurnal* 9 (1944), 42).